

Известия, -1994, -15 окт. -с.7.

САМЫЙ ПАРИЖСКИЙ ИМПРЕССИОНИСТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ ЗАБВЕНИЯ

Newsweek

Журнал «Ньюсуик», США

Париж не удивит вернисажем. Тем более полотнами импрессионистов. Творчество этих живописцев, доминировавших в художественной жизни Франции последней трети XIX века, кажется, известно до мельчайших подробностей. Все лучшее просеяно специалистами сквозь сито. Какие там белые пятна.

И все-таки выставка Гюстава Кайботта удивила, озадачила, ошеломила...

Если в колдовстве Булонского леса мелькнет вдруг знакомый силуэт, если в кафе на Монмартре вы внезапно поймаете задумчиво-туманный взор незнакомки или ощутите бездонную глубину неба над Большими бульварами, возможно, вы будете мучительно вспоминать: «Где я все это видел?» И кто знает, может быть, память подскажет: на полотнах Мане, Моне, Дега, Ренуара, Писсарро, Сислея. Их зоркие глаза разглядели потаенную прелесть в каждой площадке Парижа, в каждой излучине Сены.

Своими трепетными полотнами, на которых ожил дымчатый воздух, пронизанный светом, эти художники взорвали чопорность и тяжеловесность салонной живописи. В их полотнах была запечатлена атмосфера эпохи и, как некогда говорили римляне, «дух местности». Чаще всего то был Париж. Его облик немислим без чувственных иллюзий импрессионистов.

Гюстав Кайботт был одним из этой семьи. Более того, как теперь считают знатоки, он «самый парижский» из импрессионистов. Но почему сегодня он стал вдруг открытием для зрителя, да и для некоторых специалистов?

Ушедший из жизни ровно столетие назад, он почти восемьдесят лет был в забвении. И только недавно началось его медленное возвращение. Особая роль в возрождении этого имени принадлежит Институту искусств в Чикаго. Кстати, именно этот институт — один из организаторов парижской ретроспективы Кайботта, которая продлится до начала января буду-

щего года, а на весну отправится в Чикаго.

Гюстав Кайботт работал в разных жанрах: натюрморты, пейзажи, портреты, интерьеры. Всего теперь известно четыреста работ. Знатоки особенно выделяют монументальное полотно «Улицы Парижа дождливым днем», в котором они увидели не только туманную влажность города, но и сардонический портрет напыщенных парижских буржуа. Вывод одного из специалистов: может быть, как рисовальщик Кайботт уступает Дега, в цвете не столь искусен, как Моне, но, по крайней мере, десяток

его работ могут составить славу французского искусства.

Почему же столь долгое забвение? В отличие от своих друзей, которые часто бедствовали, Кайботт был богат (его отец сделал себе состояние на поставках провианта французской армии), жил на роскошной вилле и был расточителен в своих привязанностях: ради удовольствия строил парусники, страшно увлекался греблей, разводил орхидеи, а к своему творчеству художника относился весьма снисходительно. Робость сохранил на всю жизнь. Свою роль в искусстве видел в другом.

Поддерживал материально бедных друзей и даже их престельных по-друг, оплачивал, например, некоторое время квартиру Моне. Организовывал выставки (изредка участвовал в них сам), без его настойчивости многим из них не суждено было бы состояться. Покупал полотна друзей (иногда сознательно не самые лучшие).

Однажды художника посетило предчувствие, что его ждет ранняя смерть. Он мгновенно написал завещание (за семнадцать лет до кончины), назначив своим душеприказчиком Ренуара. Всю свою коллекцию (судьбу собственных

работ он из скромности не оговорил) Кайботт завещал государству, оговорив, что подавляющее большинство должно принадлежать Лувру и Люксембургскому музею.

Поначалу кураторы не торопились распорядиться наследством Кайботта, ссылаясь на отсутствие места, но потом прозрели. И теперь эта коллекция составляет основу блестящего парижского собрания французских импрессионистов.

Юрий САВЕНКОВ.

«Улицы Парижа дождливым днем». Картина Гюстава Кайботта.